

ВВЕДЕНИЕ

Проблемам развития европейских обществ в раннее Средневековье в исторической науке издавна уделялось огромное внимание. Неизменный исследовательский интерес к этой теме не в последнюю очередь объясняется значимостью происходивших в ту эпоху социальных процессов. К числу последних, как правило, относят и процесс формирования этнических общностей — этногенез. В связи с этим совсем не кажется преувеличением, когда именно раннему Средневековью — периоду, когда прежний (античный) мир прекратил свое существование, а новый (средневековый христианский) мир еще не был вполне оформлен, — как в исторической литературе, так и в обыденном сознании отводится роль важнейшего перепутья в социальном, культурном и духовном развитии европейцев. По крайней мере, сложно спорить с тем, что именно в период раннего Средневековья зародились многие социальные явления и культурные феномены, определившие лицо европейской цивилизации, некоторые из которых существуют и сегодня. Вместе с тем, ввиду сложности изучения столь динамичного в социальном смысле периода, значительно усугубляемой относительной скудостью доступного источникового материала, немалым остается число спорных вопросов, малоизученных проблем. Это в полной мере касается и проблемы формирования раннесредневековой хорватской общности, от которой ведет свое происхождение современный европейский народ хорватов.

Невозможно усомниться в том, что проблематика формирования ранней хорватской общности представляет собой весьма актуальную тему для исследования, разработка которой не только ценна сама по себе, но и весьма полезна для уяснения ситуации в более широких региональных контекстах. Особую актуальность изучению процесса этногенеза хорватов придает то обстоятельство, что, являясь неотъемлемой частью цивилизационного пространства европейского запада (*Pax Latina*), средневековая Хорватия всегда характеризовалась ярко выраженным своеобразием социокультурного ландшафта. Применительно к рассматриваемой нами эпохе

можно выделить как минимум несколько региональных исторических контекстов, в рамках которых хорватская специфика может быть наиболее адекватно осмыслена.

Складывание хорватской общности происходило на землях, веками составлявших часть Римской (с середины VI в. — Восточно-Римской) империи, и осуществлялось в тесном контакте с социальной и культурной средой ядра «римского мира» (*Pax Romana*) — Средиземноморья. Соответственно, чтобы адекватно понимать и интерпретировать процесс формирования хорватского этнополитического организма, необходимо всецело учитывать данный региональный исторический контекст, как и тесно связанный с ним контекст «византийского мира» (*Pax Byzantina*), продолжавшего в VII–IX вв. римские традиции в Средиземноморье, включая восточное побережье Адриатики. Вместе с тем этнические изменения, приведшие к формированию социокультурного облика ранне-средневековой Хорватии, необходимо рассматривать и в контексте так называемого «франкского мира» (*Pax Francica*), заключившего в VIII–IX вв. в свои рамки значительную часть Европы, включая пространство будущего Хорватского королевства. Усилиями Каролингов была постепенно преодолена свойственная предшествующему периоду «темных веков» политическая раздробленность, появились новые центры власти и создались новые сети коммуникации, а в рамках грандиозной программы «*renovatio imperii Romani*» было снова актуализировано римское наследие. Все это делает созданное Карлом Великим единое политическое пространство «новой Римской империи» исключительно важным историческим и региональным контекстом для осмысления специфики хорватского этногенеза.

Важным при рассмотрении формирования хорватской этнополитической общности представляется также принимать во внимание и контекст еще не христианизированной или лишь начавшей приобщение к христианству «варварской Европы», прежде всего того этнокультурного пространства, которое по традиции именуется «славянским миром» (*Slavia*). Какой бы смысл мы сегодня не вкладывали в понятие «славянский народ», каковым традиционно считаются как средневековые, так и современные хорваты, невозможно игнорировать тот факт, что славянский язык и славянская идентичность занимают важное место в формировании этнических и культурных параметров «хорватскости». Наконец, было бы несправедливо не учитывать и того, что в отдельные периоды

раннего Средневековья европейские общества испытывали заметные социально-политические и культурные воздействия из Азии, что в какой-то мере позволяет говорить еще об одном — «евразийском» — контексте хорватского этногенеза. Применительно к интересующему нас процессу формирования хорватской этнополитической общности в Далмации речь в первую очередь должна идти о роли в этом процессе Аварского каганата (*Pax Avarica*) — державы, воспроизводившей в центре географической Европы политические, социальные и культурные практики, характерные для народов степного пояса Евразии, протянувшегося от Паннонии до Маньчжурии.

Целью настоящей работы является исследование процесса этногенеза хорватов в VII–IX вв. При этом мы полностью отдаем себе отчет в том, что понятие «этногенез» является не более чем исследовательской абстракцией, емким, но весьма условным понятием, в чем-то облегчающим, а в чем-то, напротив, усложняющим разговор о процессе, который оно обозначает. Памятуя о порождаемых этим последним обстоятельством сложностях методологического характера, необходимо сразу пояснить, какой именно смысл вкладывается нами в то, что мы назвали исследованием этногенеза. Применительно к теме нашей работы понятие «этногенез» имеет несколько значений. Традиционно в отечественной науке так называли и продолжают называть до сих пор процесс образования этнических общностей — «этносов». Так, по определению Ю. В. Бромлей, создателя долгое время господствовавшей в отечественной этнологии теории этноса¹, этногенез — это «процесс возникновения этносов», происходящий «в результате трансформационных этнических процессов». Важнейшим признаком этногенеза считается возникновение нового этнического самосознания². Под трансформационными этническими (этнотрансформационными) процессами понимаются при этом такие процессы, которые, в отличие от процессов этноэволюционных, означающих изменение «отдельных компонентов этнической системы», не приводящее «к ломке системы в целом», связаны «с разрывом постепенности, с переходом в новое состояние»³. Выделяя три исторических типа этногенеза — палеоэтногенез, мезоэтногенез и неоэтногенез, Ю. В. Бромлей определял мезоэтноге-

¹ См. основополагающие работы: *Бромлей Ю. В. Этнос и этнография.* — М., 1973; *Он же. Очерки теории этноса.* — 2-е изд. — М., 2007.

² *Бромлей Ю. В. Этногенез // Народы России. Энциклопедия.* — М., 1994. — С. 466.

³ *Бромлей Ю. В. Очерки теории этноса.* — С. 234.

нез как «возникновение этносов типа народностей», в котором важная роль принадлежала миграциям, смешению народов и образованию «раннеклассовых государств»⁴. В соответствии с разработанной Ю. В. Бромлеем теорией этноса, включавшей устоявшееся в отечественной этнологии выделение трех стадийальных его типов — племени, народности и нации, интересующий нас процесс этногенеза хорватов в VII–IX вв. следовало бы определить как процесс формирования хорватской народности⁵, то есть мезоэтногенез.

Понятно, что смысл данное понимание этногенеза может иметь только в рамках примордиалистских (эссенциалистских) подходов к осмыслению самого феномена этничности, в которых этнические общности (этносы) рассматриваются как существующие в (социальной) реальности объекты, обладающие набором объективных признаков⁶. В соответствии с таким пониманием этнические общности представляются участниками исторического процесса, которые могут иметь свою «историю». Начальной фазой этой «истории» и предстает «этногенез», могущий, согласно данному подходу, стать предметом изучения в качестве комплексного процесса формирования как «объективных» признаков этноса, таких как язык, культура, этническая территория, так и этнического самосознания. В рамках конструктивистских подходов к этничности, концентрирующих внимание на ситуативной обусловленности и изменчивости критериев этнической идентичности, этничность выступает как форма социальной организации, зависящая исключительно от субъективных факторов — самоидентификации и приписывания идентичности извне⁷. Как подчеркивал один из родоначальников

⁴ Бромлей Ю. В. Этногенез. — С. 466.

⁵ Поэтому хорваты IX столетия определялись в отечественной историографии как «народность». См.: Наумов Е. П. Возникновение этнического самосознания раннефеодальной хорватской народности // Развитие этнического самосознания славянских народов в эпоху раннего средневековья. — М., 1982. — С. 167–180; Акимова О. А. Формирование хорватской раннефеодальной государственности // Раннефеодальные государства на Балканах, VI–XII вв. — М., 1985. — С. 227.

⁶ Теория этноса Ю. В. Бромлея укладывается в методологические рамки субстанциализма, одного из направлений примордиализма. См.: Хабенская Е. О. Этническая идентичность: подходы к проблеме // Бюллетень Владикавказского института управления. — 2006. — № 20. — С. 57–60.

⁷ О конструктивистских подходах к этничности см., например: Скворцов Н. Г. Проблемы этничности в социальной антропологии. — СПб., 1997; Ачкасов В. А. Этнополитология. — СПб., 2005. — С. 30–35.

конструктивизма, норвежский этнолог Фредрик Барт, «этнические категории обеспечивают организационную оболочку, содержание которой в разных социокультурных системах может наполнять различные объемы и формы»⁸. Понятно, что в данном случае разговор о каком бы то ни было «этногенезе» должен быть признан методологически некорректным, так как этничность, согласно данному подходу, обнаруживает себя не в объективных признаках той или иной группы, называемой «этносом», а в ситуациях взаимодействия групп, когда потребность в его социальном оформлении рождает этническую границу. Правда, и в работах сторонников конструктивистского подхода иногда можно встретить использование слова «этногенез», под которым, очевидно, подразумеваются процессы возникновения у той или иной группы конкретной этнической идентичности вследствие самоидентификации и приписывания идентичности извне⁹.

Отдавая предпочтение конструктивистскому видению как позволяющему наиболее адекватно воспринимать и более точно описывать социальную реальность, мы вместе с тем исходим из того, что расхождения между примордиализмом (эссенциализмом) и конструктивизмом порождены хотя и разными, но имеющими равное право на использование в научном исследовании способами упорядочивания реальности¹⁰. Также мы вполне отдаем себе отчет в том, что при рассмотрении этнических процессов в раннем Средневековье практически не удастся постоянно находиться в рамках конструктивистской парадигмы. Так, невозможно сбрасывать со счетов то обстоятельство, что этнические процессы — это, как правило, процессы «большой длительности»¹¹, а этническая идентичность при всей ее субъективности и ситуативности бывает весьма устойчивой. Пока мы, хотя бы только для удобства, оперируем

⁸ Барт Ф. Введение // Этнические группы и социальные границы. Социальная организация культурных различий / Под ред. Ф. Барта; пер. И. Пильщикова. — М., 2006. — С. 16.

⁹ См., например: *Curta F. The Making of the Slavs between ethnogenesis, invention, and migration // SSBP. — 2008. — № 2 (4). — P. 157.*

¹⁰ См. об этом: *Зарунов Ю. И. Исследование феноменов «этнуса» и «этничности»: некоторые итоги и соображения // Академик Ю. В. Бромлей и отечественная этнология. 1960–1990-е годы. — М., 2003. — С. 30–31.*

¹¹ Выражение Ф. Броделя использовано в данном контексте В. Полем: *Pohl W. Conceptions of Ethnicity in Early Medieval Studies // Archaeologia Polona. — 1991. — Vol. 29. — P. 39.*

такими понятиями, как «хорватская общность», «хорватский этнополитический организм» и т. п., полностью освободиться от эссенциалистской перспективы вряд ли возможно¹².

Еще одно значение термина «этногенез», также имеющее непосредственное отношение к теме нашей работы, гораздо уже вышеописанных и связано с одной из традиций его использования в медиевистике, где также постепенно происходил отход от традиционных примордиалистских представлений об этносах как стабильных субстанциях, связанных общим происхождением и историей. Одной из важнейших новаций стала так называемая

¹² Имплицитно присутствующее в научной литературе стремление оперировать понятием (этнической) группы, странным образом уживающееся с доминирующим признанием его контекстуальной обусловленности, стало в последнее время объектом последовательной и радикальной критики со стороны американского социолога Роджерса Брубейкера. Исследователь призывает избавиться от «тенденции рассматривать ограниченные группы в качестве основных единиц анализа», называемой им «группизмом», настаивая на том, что «базовой аналитической категорией должна служить не некая сущность — “группа”, а групповость — зависимая от контекста концептуальная переменная». По словам Р. Брубейкера, «“Групповость” — переменная, а не константа, и из нее невозможно исходить. Она различна не только в разных предполагаемых группах, но и внутри группы: со временем она может прибывать или истощаться, достигая пика в исключительные — но краткие — моменты коллективного подъема. Этничность не требует такой групповости. Она действует не только (и даже не столько) в ограниченных группах и влияет через них, но и через категории, схемы, столкновения, идентификации, языки, рассказы, институты, организации, сети и события. Короче говоря, исследование этничности — даже исследование этнического конфликта не должно сводиться к изучению этнических групп, они даже не должны быть его главным предметом». В соответствии с этим, исследователь призывает «сосредоточиться на практических категориях, ситуативных действиях, культурных идиомах, когнитивных схемах, дискурсивных фреймах, институциональных формах, политических проектах, случайных событиях и изменчивой групповости» (*Брубейкер Р. Этничность без групп / пер с англ. И. Боровой. — М., 2012. — С. 16, 18, 60*). С данной позицией, весьма созвучной тому, что осуществляется в последнее время в медиевистике, главным образом в работах так называемых Венской и Торонтской школ, сложно не согласиться. Однако при этом нельзя не отметить, что применение рекомендованных Р. Брубейкером исследовательских операций к раннему Средневековью может быть, даже в лучшем случае, крайне ограниченным ввиду характера имеющихся в нашем распоряжении источников.

этногенетическая концепция немецкого медиевиста Райнхарда Венкуса, согласно которой германские племена (*gentes*) эпохи Великого переселения народов, такие как готы, бургунды, франки или лангобарды, представляли собой не общности, основанные на кровно-родственных связях, а гетерогенные группы, собиравшиеся вокруг обладавших харизмой воинских вождей. Вера в общее происхождение, отраженная в этногенетических мифах таких групп (*origo gentis*), очень сближала *gentes* раннего Средневековья с современными этническими группами. Вместе с тем социальная, политическая и «этническая» (то есть основанная на вере в общее происхождение) идентичности образовывали в сознании людей той эпохи нерасторжимое единство, вследствие чего говорить о варварских идентичностях как об этнических *par excellence* было бы неосторожно. Такой специфический этнический дискурс, функционировавший лишь на уровне узкой группы элиты, получил в концепции Венкуса название гентилизма (*Gentilismus*). Его носителем в условиях крайней нестабильности социально-политического ландшафта, характеризовавшей варварский мир эпохи миграций, была группа людей, очевидно, обладавшая развитой надлокальной идентичностью и способностью поддерживать память о (более или менее) далеком прошлом. Венкус предложил именовать такую группу ядром традиции (*Traditionskern*)¹³.

Концепция Р. Венкуса получила широкое применение, а также дальнейшее развитие и детализацию в трудах его последователей — представителей так называемой «Венской школы», в первую очередь австрийских медиевистов Хервига Вольфрама и Вальтера Поля. В рамках данной школы, в наследии которой можно усмотреть как конструктивистские, так и эссенциалистские черты¹⁴, «этногенезом» именуется обусловленная социально-политическими факторами, такими как выдвижение воинской группы, сплотившейся вокруг харизматического вождя, кристаллизация социальной общности, выступающей одновременно и как политическая, и как этническая единица. Последней ее делает, прежде всего, вера

¹³ *Wenskus R. Stammesbildung und Verfassung. Das Werden der frühmittelalterlichen gentes.* — Köln; Graz, 1961.

¹⁴ См., например: *Дмитриев М. В.* Проблематика проекта «*Confessiones et nationes*: конфессиональные традиции и протонациональные дискурсы в истории Европы // Религиозные и этнические традиции в формировании национальных идентичностей в Европе. Средние века — Новое время. — М., 2008. — С. 23–31.

в общее происхождение, выступающая основополагающим элементом идеологически конституирующей данную общность этногенетического мифа¹⁵.

Наше понимание «этногенеза» в настоящей работе включает элементы всех перечисленных традиций использования этого слова, рискуя показаться несколько эклектичным. Подобно конструктивистам, мы концентрируем внимание на проблемах идентичности и ее социальной обусловленности, в значительной степени вынося за скобки проблемы культурогенеза, так как не считаем язык, материальную и духовную культуру «объективными» признаками этносов. Изучение культурогенеза раннесредневековых хорватов — это отдельная проблема, которая, вне всякого сомнения, требует рассмотрения в несопоставимо более широких хронологических и географических рамках, чем Далмация VII–IX вв. Вместе с тем, не считая целесообразным вовсе отбрасывать субстанциалистскую перспективу, мы понимаем под «этногенезом» формирование конкретной более или менее устойчивой общности, обладающей самоназванием, а именно хорватского этнополитического организма в Далмации, по крайней мере такого, каким мы его застаем во второй половине IX в. И, наконец, как и представители Венской школы, мы считаем возможным выделять в истории раннесредневековых этнополитических организмов особенно значительные по своим масштабам социально-политические трансформации, связанные с выдвиганием новых элит и подчас кардинально менявшие состав этнополитической общности и критерии членства в ней. Каждая из таких крупных трансформаций условно может быть названа «этногенезом».

В последние годы этногенетическая концепция Р. Венкуса и «Венской школы» стала объектом критики со стороны историков постмодернистского направления, в особенности представителей так называемой «Торонтской школы» (Вальтер Гоффарт, Александр Мюррей). Последние всячески подчеркивают ту роль, какую в становлении этнического дискурса в раннесредневековой Европе сыграли представители интеллектуальной элиты,

¹⁵ См. особенно: *Wolfram H.* Einleitung oder Überlegungen zur *Origo Gentis* // Typen der Ethnogenese unter besonderer Berücksichtigung der Bayern. Teil I. / Hrsg. von H. Wolfram und W. Pohl. — Wien, 1990. — S. 19–34; *Idem.* Origo et religio. Ethnic traditions and literature in early medieval texts // EME. — 1994. — Vol. 3/1. — P. 19–38; *Pohl W.* Conceptions of ethnicity in Early Medieval Studies // *Archaeologia Polona.* — 1991. — Vol. 29. — P. 39–49.

образованные индивидуумы, вписывавшие групповые идентичности варваров в те представления о «народах», которые были унаследованы ими от античной этнографии или почерпнуты из Священного Писания¹⁶. Вследствие этого на первый план стал выходить вопрос об адекватности представленной в письменных источниках картины социальным реалиям бесписьменного общества. Думается, однако, что данный вопрос принципиально не решаем вне сравнительно-исторической перспективы, которую может обеспечить лишь обращение к такой сфере гуманитарного знания, как социальная антропология, в рамках которой накоплен без преувеличения гигантский материал о формах групповой идентификации в бесписьменных обществах. К этому материалу по необходимости мы также планируем обращаться.

Соотнесение цели исследования «этногенеза» хорватов с возможностями источникового материала обуславливает, на наш взгляд, постановку следующих задач:

- определение времени и обстоятельств возникновения хорватской общности как особой этнополитической единицы;
- выявление основных маркеров хорватской идентичности рассматриваемого периода.

При решении поставленных нами конкретных задач по исследованию «этногенеза» хорватов мы стараемся по возможности широко использовать те методологические приемы, которые в последнее время уже прочно закрепились в исследовании раннесредневековых групповых идентичностей. К их числу следует отнести анализ «стратегий различения»¹⁷, применявшихся в законодательных

¹⁶ См. особенно: *Goffart W.* The narrators of barbarian history (A.D. 550–800): Jordanes, Gregory of Tours, Bede, and Paul the Deacon. — Princeton, 1988; *Idem.* Does the distant past impinge on the Invasion Age Germans? // On barbarian identity: critical approaches to ethnicity in the Early Middle Ages / Ed. by A. Gillett. — Turnhout, 2002. — P. 21–37; *Murray A. C.* Reinhard Wenskus on «ethnogenesis», ethnicity, and the origin of the Franks // On barbarian identity: critical approaches to ethnicity in the Early Middle Ages. — P. 39–68. См. также: *Gillet A.* Ethnogenesis: a contested model of early medieval Europe // *History Compass.* — 2006. — Vol. 4. — P. 241–260; *Kasperski R.* Problem etnogenezy Gotów w ujęciu Herwiga Wolframa: Refleksje nad metodą // *КН.* — 2011. — Rocznik 118. Z. 3. — S. 399–430.

¹⁷ В. Поль предложил использовать данное понятие, заимствованное им из социологической теории П. Бурдьё, для исследования процессов групповой идентификации в раннем Средневековье. См.: *Pohl W.* Introduction: strategies of distinction // *Strategies of distinction: the construction of*

и нарративных источниках, результаты исследований этногенетических мифов как важнейших конституирующих элементов варварских этнических общностей, а также анализ определяемых этническим дискурсом средневековых авторов нарративных стратегий, использовавшихся ими при описании варварских этнополитических организмов. Правда, скудость источникового материала, относящегося к истории раннесредневековых хорватов, в сравнении, например, с историей готов, франков или лангобардов, не позволяет в полной мере выявить «стратегии различения», прилагавшиеся к хорватам извне и изнутри хорватского этнополитического организма. Отсутствие законодательных памятников заставляет черпать информацию об идентичности почти исключительно из нарративных источников, имеющих к тому же внешнее по отношению к Хорватии происхождение. Вместе с тем относительное богатство информации, представленной в этих источниках, включая присутствие в одном из них относительно ранней версии хорватского этногенетического мифа, который может быть рассмотрен в сравнительно-исторической перспективе, внушает определенный оптимизм.

Последние годы стали временем интенсивного пересмотра методологических основ интерпретации археологических памятников как индикаторов этнической идентичности. Речь идет о критике распространенных в археологии предшествовавших десятилетий методологических подходов Гордона Чайлда и Густава Косинны, в рамках которых считалось возможным связывать археологическую культуру с этнической общностью¹⁸. Вместе с тем в изучении этногенеза хорватов, как недавно справедливо отметил австралийский исследователь Дэниел Джино, до самого последнего времени господствовала именно такая интерпретация¹⁹. В настоящее

ethnic communities, 300–800 / Ed. by W. Pohl and H. Reimitz (The Transformation of the Roman world. Vol. 2). — Leiden, 1998. — P. 5–6.

¹⁸ См. подробно: *Клейн Л. С.* Этногенез и археология. Т. 1: Теоретические исследования. — СПб., 2013. — С. 125–259; *Jones S.* The Archaeology of Ethnicity. Constructing Identities in the Past and Present. — London; New York, 1997; *Curta F.* The Making of the Slavs: History and Archaeology of the Lower Danube Region, c. 500–700. — Cambridge, 2001. — P. 24–34; *Brather S.* Ethnische Interpretationen in der frühgeschichtlichen Archäologie. Geschichte. — Berlin; New York, 2004.

¹⁹ *Дзино Д.* «Становиться славянином», «становиться хорватом»: новые направления в исследовании идентичностей позднеантичного и раннесредневекового Иллирика // *SSBP*. — 2008. — № 2 (4). — С. 50.

время продолжается дискуссия о соотношении между материальной культурой и этничностью в археологии. Если одни исследователи склоняются при этом к признанию за отдельными категориями артефактов символов идентичности, манипуляция которыми являлась важным фактором конструирования этнических общностей, то другие вовсе не считают возможным делать на основании археологических данных какие-либо выводы, касающиеся этнической идентичности²⁰. Ввиду сохраняющейся неясности положения, мы за редкими, особо оговариваемыми исключениями не привлекаем археологический материал для исследования этнической идентичности, ограничив его использование задачей определения социального и культурного контекста, в котором эта идентичность функционировала.

Хронологические рамки исследования установлены в соответствии с более или менее определенными вехами этносоциального и этнополитического развития хорватской общности. В качестве нижней хронологической границы мы избрали 600-е гг. Как известно, долгое время именно к первой трети VII в. в историографии относили событие, которое обычно именовалось «приходом хорватов» на территорию Далмации. Так что избранная нами дата может показаться весьма традиционной, если даже не консервативной на фоне появившихся в последние десятилетия попыток отнести появление хорватов в Далмации к концу VIII в. Хотя, как будет видно из дальнейшего изложения, мы не склонны рассматривать концепцию «переселения хорватов» в Далмацию адекватно передающей сущность происходивших в это время процессов, тем не менее мы считаем, что именно социально-политическую ситуацию, сложившуюся в начале VII в., следует рассматривать в качестве отправной точки процесса становления хорватской общности как самостоятельного этнополитического организма. Выбор верхнего хронологического рубежа — 890-е гг. — обусловлен главным

²⁰ См. актуальную полемику Ф. Курты и С. Братера: *Curta F. Medieval archaeology and ethnicity: where are we? // History Compass.* — 2001. — Vol. 9. — P. 537–548; *Brather S. Ethnic identities as constructions of archaeology: the case of the Alamanni // On Barbarian Identity...* — P. 149–176; *Curta F. Ethnicity in medieval archaeology // EME.* — 2007. — Vol. 15. — P. 165–175; *Brather S. Ethnizität und Mittelalterarchäologie. Eine Antwort auf Florin Curta // Zeitschrift für Archäologie des Mittelalters.* — 2011. — Bd. 39. — S. 161–172; *Curta F. The elephant in the room. A reply to Sebastian Brather // Ephemeris Napocensis.* — 2013. — Vol. 23. — P. 163–174.

образом тем, что в это время заканчивает свое правление хорватский дукс Бранимир (879 — около 892 гг.), при котором происходит окончательная кристаллизация Хорватии в качестве самостоятельной политики.

Для того, чтобы более точно очертить географические рамки нашего исследования, целесообразно обратиться к административному делению Римской империи. Римская власть, установившаяся над пространством, которое населяли кельто-иллирийские народы, главным образом при Октавиане Августе, была окончательно утверждена на интересующей нас территории после подавления крупного восстания иллирийцев 6–9 гг., возглавлявшегося Батоном (*bellum Batonianum*). Подавив сопротивление иллирийцев, римляне разделили прежде единую провинцию Иллирик (*Illyricum*), простиравшуюся от Адриатики до Дуная, на две провинции — Далмацию (*Dalmatia*) и Паннонию (*Pannonia*). Далмация времен принципата охватывала обширную территорию, протянувшуюся вдоль Адриатического моря от реки Раши (в Истрии) на западе, где она граничила с провинцией «Венетия и Истрия» (*Venetia et Histria*), до реки Мат (в современной Албании) на востоке. Во внутренней части граница провинции шла с запада на восток вдоль северных подножий горных массивов, за которыми начинались низменные паннонские земли, а затем спускалась к югу по междуречью Дрины и Моравы²¹. Обширная провинция Паннония, охватившая при Октавиане все пространство от Далмации до Дуная, при Траяне (98–117 гг.) была разделена на две провинции — Верхнюю Паннонию (*Pannonia Superior*) на западе и Нижнюю Паннонию (*Pannonia Inferior*) на востоке. Граница между ними шла с севера на юг от Дуная до Дравы, затем, следуя по руслу Дравы, уходила в восточном направлении, а потом снова спускалась на юг до границы Далмации²².

Произошедшие при Диоклетиане (284–305 гг.) значительные изменения в административной структуре империи отразились в интересующем нас регионе следующим образом. Далмация сохранила свою прежнюю границу с Паннонией, однако заметно сократилась в размерах: территория провинции к востоку от реки Дрины составила теперь отдельную провинцию под названием Превалис или Превалитана (*Praevalis, Praevalitana*). Паннония же была поделена при Диоклетиане уже не на две, а на четыре

²¹ Kuntiĉ-Makviĉ B. Područje rimskog Ilirika uoči dolaska Hrvata // Povijest Hrvata. Knj. I: Srednji vijek / Ur. F. Šanjek. — Zagreb, 2003. — S. 18.

²² Ibid. — S. 19.

провинции, получившие названия Первой Паннонии (*Pannonia Prima*), Второй Паннонии (*Pannonia Secunda*), Паннонии Валерии (*Pannonia Valeria*) и Паннонии Савии (*Pannonia Savia*), то есть Посавской Паннонии, причем на западе ряд районов, относившихся прежде к Верхней Паннонии, вошли в состав новообразованной провинции Внутренний Норик (*Noricum Mediterraneum*). В отличие от Далмации и четырех паннонских провинций, относившихся к паннонскому диоцезу (*diocesis Pannoniae*), провинция Превалис входила в состав мезийского диоцеза (*diocesis Moesiae*)²³.

Нетрудно заметить, что процессы формирования ранней хорватской общности и кристаллизации первичного хорватского политического организма разворачивались в первую очередь на территории позднеримской Далмации. В эпоху домината граница этой провинции на западе по-прежнему шла по реке Рапе в Истрии²⁴, на юго-востоке же вследствие выделения провинции Превалис граница проходила чуть восточнее залива Бока Которская, достигала на севере верховьев Дрины и затем по течению Дрины следовала до границы со Второй Паннонией. Северные рубежи

²³ *Matijašić R.* Povijest hrvatskih zemalja u kasnoj antici od Dioklecijana do Justinijana. — Zagreb, 2012. — S. 46, 246 (карта); *Gračanin H.* Južna Panonija u kasnoj antici i ranom srednjovjekovlju (od konca 4. do konca 11. stoljeća). — Zagreb, 2011. — S. 49–50.

²⁴ Северо-западная часть Далмации (от реки Раши до реки Крки) имела в античной географической традиции Либурнией по имени проживавшего здесь народа либурнов. Со времен Августа земли либурнов и соседних с ними яподов были заключены в рамки скардонитанского конвента. В 180-е гг. в рамках оборонительной системы была образована прокураторская провинция Либурния, которая, как показывают новейшие исследования, охватывала лишь северо-западную часть географической Либурнии с центром в городе Тарсатика (ныне в черте Рибеки). Провинция просуществовала недолго и не позднее 239 г. снова вошла в состав Далмации. При императоре Константине военно-административная единица, опиравшаяся на традицию бывшей прокураторской провинции, была восстановлена. Наконец, в первой половине VI в., в период остготской власти над Далмацией, появилась еще одна административная единица, именовавшаяся Либурнией. Она занимала пространство от Лабина до Нина, причем в ее рамках выделялась меньшая единица — *Liburnia Tarsaticensis*, очевидно, восходившая к военно-административной единице, устроенной еще при Константине. См.: *Turković T., Basić I.* Kasnoantička i ranosrednjovjekovna Tarsatička Liburnija (*Liburnia Tarsaticensis*) u svjetlu geografskih izvora // SHP. Ser. III. — 2013. — Sv. 40. — S. 40–58.

позднеримской Далмации, то есть линия ее разграничения с паннонскими провинциями, определяются в современной литературе с некоторой долей приблизительности, а прохождение отдельных участков границы остается предметом споров. Однако в целом северная граница Далмации вырисовывается довольно ясно: будучи почти параллельной руслу Савы, она вместе с тем проходила значительно южнее этой реки, достигая на востоке Дрины и попутно почти под прямым углом пересекая правобережные притоки Савы Уну, Босну и Врбас в их среднем течении. Следуя на западе, вероятно, по верхнему течению Купы, она продолжалась к востоку, опираясь главным образом на такие естественные географические рубежи, как южная кромка долины Савы и северные склоны маркирующих границы Паннонской низменности горных массивов (таких как Великая Капела на западе и Боснийские горы на востоке)²⁵. Провинция Далмация отличалась высоким уровнем урбанизации (преимущественно в приморской зоне) и развитой дорожной инфраструктурой, а ее административным центром на протяжении всего античного периода был крупный город Салона (ныне Солин близ Сплита).

В то время как соседствующие с Далмацией паннонские земли в последующие столетия стали постепенно заселяться варварами, принимавшими статус федератов империи, Далмация вплоть до аваро-славянских вторжений рубежа VI–VII вв. сохраняла свой романизированный облик. В ранневизантийский период, непосредственно предшествовавший появлению славян, Далмация имела высокий статус провинции, управляемой проконсулом. Не исключено, что в это время ее северная граница проходила уже по реке Сава, то есть севернее прежнего рубежа позднеримской Далмации. Смыкаясь у Сингидунума (современный Белград) с дунайским лимесом империи, савская граница фактически отделяла пространство империи от земель, занятых варварами²⁶.

Хотя хронологические рамки нашей работы предполагают обращение к событиям и процессам, которые разворачивались на очерченной территории уже после утраты над ней византийского контроля, границы позднеримской и ранневизантийской Далмации с полным правом могут служить географическими ориентирами

²⁵ Подробнее о северной границе Далмации с обзором мнений о прохождении отдельных участков см.: *Gračanin H.* Južna Panonija u kasnoj antici i ranom srednjovekovlju... – S. 52–53.

²⁶ *Ibid.* – S. 132.

при рассмотрении процесса формирования хорватской этнополитической общности. Во-первых, естественные географические рубежи, учтенные в римском административном делении, само собой разумеется, сохраняли свое значение и в период Средневековья, а во-вторых, созданная в рамках провинции в античный период инфраструктура (населенные пункты, сельскохозяйственные имения, дороги), пусть порой и трансформированная до неузнаваемости, несомненно, оказывала влияние на территориальную направленность процессов этнополитической консолидации.

В нескольких случаях нами был осуществлен выход за пределы географических рамок Далмации и даже римского Иллирика в целом. Так, при изучении вопроса о характере ранней хорватской идентичности мы не могли не обратиться к рассмотрению общностей, которые также именовались хорватами, но проживали за пределами Далмации, в том числе на удаленных от рассматриваемого нами региона территориях Центральной и Восточной Европы. Проблематика этногенеза на территории Посавской Паннонии, важная для понимания характера ранней хорватской общности и ее соотношения с соседними этнополитическими организациями, рассматривается нами в специальном приложении, причем мы не сочли возможным отделять происходившие здесь этносоциальные процессы от ситуации на всем поставарском пространстве Карпатской котловины, что потребовало — в данном конкретном случае — соответствующего расширения географических рамок.

ИСТОЧНИКИ И ИСТОРИОГРАФИЯ

§ 1. Характеристика использованных источников

Хотя привлекаемые нами письменные источники уже давно были введены в научный оборот, само по себе данное обстоятельство не сделало их информацией менее дискуссионной в современной науке. Ориентацию в огромном массиве часто разрозненных и обрывочных письменных свидетельств существенно облегчает наличие замечательных по своей полноте собраний источников (преимущественно в выдержках), освещающих ситуацию в рассматриваемый период времени на интересующей нас территории и/или в смежных регионах в различные периоды раннего Средневековья²⁷. Помимо письменных источников, значительный объем информации

²⁷ Так, еще в 1877 г. фрагменты всех известных к тому времени письменных источников, относящихся к истории Хорватии до 1102 г., вошли в осуществленное Ф. Рачким комментированное издание: *Documenta historiae chroaticae periodum antiquam illustrantia / Collegit, digessit, explicuit Dr F. Rački (MSSM. Vol. VII.) – Zagrabiae, 1877* (далее – *Documenta*). Это издание до сих пор сохраняет свое значение, оставаясь удобным руководством при рассмотрении сюжетов раннесредневековой хорватской истории. Во многом не утратил своей актуальности и подробный справочник Ф. Шишича, куда вошли относящиеся к поздней античности и раннему Средневековью эпиграфические материалы и документальные источники, освещающие историю Хорватии: *Šišić F. Priručnik izvora hrvatske povijesti. Dio I. Čest 1. (Do god. 1107.). – Zagreb, 1914*. Отметим также следующие тематические собрания источников: *Gradivo za zgodovino Slovencev v srednjem veku / Zbral F. Kos. Kn. I (500–801). – Ljubljana, 1902; Kn. II (801–1000). – Ljubljana, 1906* (далее – *Gradivo*); *Византиски извори за историју народа Југославије. Т. II / Обрадио Б. Ферјанчић. – Београд, 1959* (далее – *ВИИИ*); *Monumenta Moraviae fontes historici. Vol. I: Annales et chronicae. – Brunae, 1966; Vol. II: Textus biographici, hagiographici, liturgici. – Brunae, 1967; Vol. III: Diplomata, epistolae, textus historici varii. – Brunae, 1969; Vol. IV: Leges, textus iuridici, supplementa. – Brunae, 1971* (далее – *ММФН*); *Свод древнейших письменных известий о славянах. Т. I. (I–VI вв.) / Составители Л. А. Гиндин, С. А. Иванов, Г. Г. Литаврин. – М., 1991; Т. II. (VII–IX вв.) / Составители С. А. Иванов, Г. Г. Литаврин, В. К. Ронин. – М., 1995* (далее – *Свод*).

о ситуации в Далмации в VII–IX вв. несут в себе многочисленные вещественные источники, количество которых благодаря интенсивно проводящимся в Хорватии археологическим раскопкам постоянно возрастает²⁸. Ниже мы кратко охарактеризуем те письменные источники, которые содержат наиболее подробную информацию по интересующей нас теме. Необходимые сведения о других источниках, привлекаемых в исследовании, приводятся непосредственно при обращении к ним.

Важную информацию о землях Далмации и Посавской Паннонии в конце VIII — первой половине IX в. содержат франкские источники, в первую очередь «Анналы королевства франков» (*Annales Regni Francorum*)²⁹. Анналы, писавшиеся разными авторами при франкском королевском дворе в период с 788 по 829 г., охватывают время с 741 по 829 г. (с 788 г. велась погодная запись событий). Вскоре после 814 г. при дворе была составлена вторая, дополненная и переработанная редакция анналов, известная под названием «Так называемые анналы Эйнхарда» (*Einhardi annales*). Эта редакция, прослеживаемая в повествовании до 812 г., содержит дополнительные сведения, почерпнутые из других источников или являющиеся объяснением событий самим анналистом. Она послужила источником для написанного позже Эйнхардом жизнеописания Карла Великого³⁰. Как источник, современный многим из описываемых им событий, «Анналы королевства франков» выгодно отличаются от ряда других нарративных памятников относитель-

²⁸ Систематические раскопки хорватских средневековых памятников начались еще в 1880–1890-е гг. благодаря усилиям главным образом Л. Маруна, Ф. Булича и Ф. Радича. О начальных страницах хорватской археологии см. подробно: *Jurišić K.* Fra Lujo Marun osnivač starohrvatske arheologije. — Split, 1979; *Vrsalović D.* Frano Radić, znanstveni izvjestitelj «Hrvatskog starinarskog društva» u Kninu i glavni urednik «Starohrvatske prosvjete» (1857–1933) // SHP. Ser. III. — 1982. — S. 201–218; *Sokol V.* Društvo «Bihać» i starohrvatska arheologija // Izdanja Hrvatskog arheološkog društva. — Zagreb, 1997. — Sv. 18. — S. 253–263; *Zekan M.* Fra Lujo Marun (1857–1939) Utemeljitelj, misionar i vizionar hrvatske arheologije // SHP. Ser. III. — 2007. — Sv. 34. — S. 9–56.

²⁹ «Анналы королевства франков» сохранились во множестве списков, древнейшие из которых датируются IX в. Памятник неоднократно публиковался. См., например: *Annales Regni Francorum et Annales qui dicuntur Einhardi / Rec. F. Kurze.* — Hannoverae, 1895 (далее — ARF).

³⁰ См.: *Ронин В.К.* «Анналы королевства франков» // Свод древнейших письменных известий о славянах. Т. II. (VII–IX вв.). — М., 1995. — С. 464–465.

ной точностью, хотя исследователи и отмечают присущую «Анналам» вполне объяснимую тенденциозность при описании военных и политических успехов Каролингов. Подробно повествуя о политической экспансии франков, «Анналы королевства франков» сообщают немало ценных сведений о политических образованиях, располагавшихся на территории Далмации и Посавской Паннонии, об их правителях, их отношениях друг с другом и с Франкским государством и т. д.³¹

Помимо «Анналов королевства франков», сведения о ситуации в Далмации и Посавской Паннонии в конце VIII–IX вв. содержатся и в ряде других франкских нарративных источников IX ст. — Бертинских анналах³², Фульдских анналах³³, «Жизнеописании Карла Великого» Эйнхарда³⁴, «Жизнеописании императора Людовика» Анонима³⁵, «Жизнеописании императора Людовика» Тегана³⁶ и некоторых других. Правда, многие сведения этих источников о хорватских землях восходят к более ранним известиям «Анналов королевства франков». Самостоятельное значение для целей нашей работы имеют лишь отдельные пласты информации, в особенности содержащаяся в Фульдских анналах (в частности, в их Баварском (так называемом Регенсбургском) продолжении, охватывающем период с 882 по 897 г. и уделяющем повышенное внимание делам на востоке Восточно-Франкского королевства, включая отношения со славянами) информация о развитии событий в Посавской Паннонии.

³¹ Об идеологических аспектах каролингской историографии см. особенно: *McKitterick R. Constructing the past in the early Middle Ages: the case of the Royal Frankish Annals // Transactions of the Royal Historical Society. — London, 1997. — Vol. 7. — P. 101–129; Eadem. Political ideology in Carolingian historiography // Uses of the Past in the early Middle Ages / Ed. by Y. Hen and M. Innes. — Cambridge, 2000. — P. 162–174.* Из новых работ см.: *Сидоров А. И. Отзвук настоящего: Историческая мысль в эпоху каролингского возрождения. — СПб., 2006; Он же. Анналы королевства франков: прошлое на службе настоящего // Проблемы истории, филологии, культуры. — М.; Магнитогорск; Новосибирск, 2010. — № 4 (30). — С. 75–93.*

³² *Annales Bertiniani / Rec. G. Waitz. — Hannoverae, 1883.*

³³ *Annales Fuldenses / Rec. F. Kurze. — Hannoverae, 1891 (далее — AF).*

³⁴ *Einhard. Vita Caroli Magni / Rec. G. Waitz. — Hannoverae, 1911.*

³⁵ *Anonymus. Vita Hludowici imperatoris / Rec. G. Pertz // MGH. Scriptores. Vol. II. — Hannoverae, 1829. — P. 604–648.*

³⁶ *Thegan. Vita Hludowici imperatoris / Rec. G. Pertz // MGH. Scriptores. Vol. II. — Hannoverae, 1829. — P. 585–604.*

Уникальные сведения о хорватских землях в середине IX в. содержатся в сочинениях бенедиктинского монаха Готшалка, знаменитого богослова и проповедника, прославившегося как автор и поборник осуждавшейся церковными авторитетами каролингской Европы, такими как аббат Фульдского монастыря и архиепископ Майнца Рабан Мавр и архиепископ Реймса Гинкмар, доктрины о преопределении³⁷. В период между 846 и 848 гг. Готшалк находился в Хорватии, пробыв некоторое время при дворе хорватского правителя Трпимира³⁸. Фрагменты, воспроизводящие любопытные реалии Хорватского дуката, замеченные Готшалком, содержатся в двух его богословских сочинениях, одно из которых представляет собой сборник пространных ответов на волновавшие монаха богословские вопросы, а второе — небольшой трактат «О преопределении» («*De praedestinatione*»)³⁹.

Некоторые сведения о правителях Хорватии и Посавского княжества, а также об окружавших их знатных людях можно почерпнуть и из такого источника, как Чивидальский евангелиарий. Этот древний кодекс, созданный на территории Равеннского экзархата еще в VI в., в раннее Средневековье представлял собой одну из важнейших реликвий Аквилейской церкви, так как считался автографом апостола Марка. Как показывают новейшие исследова-

³⁷ Литература о Готшалке весьма обширна. Из новейших работ см.: *Boller B. Gottschalk d'Orbais de Fulda à Hautvillers: une dissidence.* — Paris, 2004.

³⁸ О путешествии Готшалка в Далмацию, Паннонию и Норик сообщается и в Бертинских анналах (*Documenta.* — P. 341). Об обстоятельствах пребывания Готшалка в Далмации см. подробно: *Rapanić Ž. Solinska epizoda europske povijesti // VAHD.* — 1992. — Sv. 85. — S. 92–97.

³⁹ Указанные сочинения дошли до нас в ряду других произведений Готшалка в составе рукописного кодекса IX в., хранящегося в Берне. Авторство Готшалка было установлено в 1931 г. бельгийским исследователем Ж. Мореном, оповестившим о своем открытии и обнаружении в тексте фрагментов, относящихся к Хорватии, хорватского медиевиста Л. Катича. Фрагменты сочинения Готшалка, относящиеся к Хорватии, были впервые опубликованы Л. Катичем в составе посвященной их анализу работы: *Katić L. Saksonac Gottschalk na dvoru kneza Trpimira.* — Zagreb, 1932. — S. 8–9. Впоследствии эти фрагменты неоднократно переиздавались. См.: *Ivanišević M. Povijesni izvori // Starohrvatski Solin.* — Split, 1992. — S. 64; *Hrvati i Karolinzi. Dio I: Rasprave i vrela.* — Split, 2000. — S. 294. См. полную публикацию рукописного кодекса, содержащего сочинения Готшалка: *Lambott C. Oeuvres théologiques et grammaticales de Godescalc d'Orbais.* — Louvain, 1945.

ния, во второй половине IX в. евангелиарий хранился не в самом Чивидале — центре Фриульской марки и резиденции аквилейских патриархов, а в расположенном в нескольких десятках километров от него монастыре св. Марии в Сан-Канциан-Д'Изонцо⁴⁰. В это время на страницы евангелиария были вписаны имена многочисленных паломников, среди которых были правители и знатные люди из различных славянских земель, в том числе из Хорватии и Среднего Посавья⁴¹.

Среди документальных источников, привлекаемых для рассмотрения интересующей нас темы, особое место принадлежит дарственной грамоте хорватского правителя Трпимира Сплитской архиепископии (середина IX в.)⁴². Хотя аутентичность грамоты, дошедшей

⁴⁰ Из новых работ см.: *Scalon C. Il Codex Forojuliensis e la sua storia // L'Evangelario di san Marco / A cura di G. Ganzer. — Udine, 2009. — P. 77–98; Vedriš T. Nekoliko opažanja o začetcima štovanja sv. Krševana u Dalmaciji u ranome srednjem vijeku // Spalatumque dedit ortum: Zbornik povodom desete godišnjice Odsjeka za povijest Filozofskog fakulteta u Splitu / Ur. I. Basić, M. Rimac. — Split, 2014. — S. 212–219.*

⁴¹ ММФН. Vol. III. — P. 330–334; Documenta. — P. 382–386; *Ančić M. Čedadski evangelijar // Hrvati i Karolinzi. Dio I. — S. 289–290.*

⁴² *Codex diplomaticus regni Croatiae, Dalmatiae et Slavoniae* (далее — CD). Vol. I: *Diplomata annorum 743–1100 continens / Redegit Marko Kostrenčić. Collegerunt et digesserunt Jakov Stipišić et Miljen Šamšalović. — Zagrabiae, 1967. — S. 3–8.* В интитуляции грамоты сообщается, что она была издана «в правление в Италии благочестивейшего Лотаря, короля франков, в XV индикт, 4 марта» (*Ibid.* S. 4). На основании указания пятнадцатого индикта грамота долгое время датировалась в историографии 852 г. Однако Л. Маргетич, ссылаясь на то, что упоминаемый в интитуляции грамоты король Лотарь фигурирует в ней как правитель Италии, считает, что грамота была создана не позднее 844 г., когда королем Италии стал сын Лотаря Людовик II, в то время как в обозначение индикта вкралась ошибка (возможно, при переписывании). Нижняя граница составления грамоты — 839 г. — определяется тем, что в этом году правил еще не Трпимир, а его предшественник Мислав, как о том свидетельствует «История венетиков» Иоанна Диякона (*Margetić L. Bilješke uz Trpimirovu ispravu* (CD I, 3–8)) // *Zbornik radova Pravnog fakulteta u Splitu. — Split, 1993. — God. 30. — Br. 1. — S. 48; Idem. Krsni list hrvatske države* (Trpimirova darovnica) i međunarodni položaj hrvatske države narodnih vladara // *Starine. — 2002. — Knj. 62. — S. 4–7.* Грамота Трпимира переведена на русский язык: Грамота князя Трпимира. 852 г. / пер. В.К. Ронина; под ред. Д.А. Дрбоглава // *Москаленко А.Е. Возникновение и развитие феодальных отношений у южных славян. Хорваты и сербы. — М., 1978. — С. 59–61.*

до нас лишь в списках XVI–XVII вв. (восходящих, в свою очередь, к недошедшему списку 1333 г.), долгое время вызывала споры в историографии, в настоящее время исследователи, допуская наличие в ее тексте позднейших интерполяций, не сомневаются в аутентичности, по крайней мере, ядра грамоты⁴³. Богатую информацию о древнейшем хорватском политическом организме можно почерпнуть и из адресованных в Хорватию писем римских пап⁴⁴, особенно папы Иоанна VIII (872–882 гг.), ведшего оживленную переписку с хорватским дуксом Бранимиром⁴⁵. Исключительную ценность для изучения хорватской общности IX ст. представляют относительно многочисленные эпитафические памятники. В большинстве случаев это высеченные на деталях каменного церковного убранства (алтарных преградах и т. д.) донаторские надписи⁴⁶.

Почти двухвековой период, предшествовавший установлению около 800 г. франкского господства во внутренней части бывшей римской провинции Далмации, характеризуется крайней скудостью информации, которая может быть получена из современных ему источников. Понятие «темные века», утвердившееся в современной хорватской историографии применительно к VII–VIII вв., имеет таким образом двоякий смысл. С одной стороны, оно отражает нестабильность и неопределенность социальных и культурных практик, присущие эпохе, начало которой в Далмации положил коллапс римско-византийских административных структур, вызванный вторжением аваров. С другой стороны, использование

⁴³ Из новых работ см.: *Matijević Sokol M.* 1150. obljetnica darovnice kneza Trpimira // 100 godina Arheološkog muzeja Istre u Puli: nova istraživanja u Hrvatskoj. Znanstveni skup, Pula, 8. –12. listopada 2002 / Odgovorni ur. D. Komšo (Izdanja Hrvatskog arheološkog društva. Sv. 25). – Zagreb, 2010. – S. 8–18; *Brković M.* Diplomatička analiza Trpimirove i Muncimirove isprave: U počast Mihe Barade // PP. – 2011. – Sv. 41. – S. 85–129.

⁴⁴ CD. Vol. I. – S. 8–22, 28–30, 33–36, 38–39.

⁴⁵ Branimirova Hrvatska u pismima pape Ivana VIII / Prijevod M. Matijević-Sokol. – Split, 1990.

⁴⁶ Тексты надписей из раннесредневековой Хорватии собраны в публикациях: *Šišić F.* Priručnik izvora hrvatske povijesti. – S. 118–138; *Mihaljčić R., Steindorff L.* Namentragende Steininschriften in Jugoslawien vom Ende des 7. bis zur Mitte des 13. Jahrhunderts. – Wiesbaden, 1982; *Delonga V.* Latinski epigrafički spomenici u ranosrednjovjekovnoj Hrvatskoj. – Split, 1996. Надписи каролингского времени приводятся также в обстоятельном каталоге выставки «Хорваты и Каролинги»: *Hrvati i Karolinzi. Dio II* (Katalog izložbe). – Split, 2000.